

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**



Сергей ЗВЕРЕВ

**ГЕРОЯМ НЕ МЕСТО
В ЗАСТЕНКАХ**



Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Героям не место в застенках

«Научная книга»

2011

Зверев С. И.

Героям не место в застенках / С. И. Зверев — «Научная книга», 2011 — (Спецназ ВДВ)

В Литве осужден на долгий тюремный срок 85-летний полковник КГБ в отставке Макар Капитонович Бузько. В 1945 году, будучи начальником отдела СМЕРШ, он и его группа уничтожили банду литовских националистов. «Демократический» литовский суд осудил Бузько за убийство. Но с решением суда в корне не согласно руководство России. Легально освободить старого контрразведчика никак не получается. Тогда пришлось задействовать нелегальный способ. В Литву под видом гражданских лиц едет группа спецназа ВДВ во главе с сержантом Владимиром Локисом. Ему поручено выкрасть из литовских застенков старого партизана и доставить его на родину – живым и невредимым...

© Зверев С. И., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Героям не место в застенках

Глава 1

Камера следственного изолятора в литовском городе Шяуляе была стандартной для всех пенитенциарных заведений советского периода. Мрачная тесная комната, стены которой были оштукатурены «шубой», двухъярусные нары-шконки, металлические стол и лавки, намертво прикрученные к полу. В углу грязный унитаз и давно не мытая раковина со следами ржавых подтеков, над которой уныло нависал выкрашенный ядовито-зеленой краской кран.

С нижней шконки с трудом поднялся щуплый старик. Седые редкие волосы, неровно остриженные эком-парикмахером, клочками торчали в разные стороны. Старик был одет в несвежую рубашку и помятый черный старомодный костюм. Он с трудом передвигался в лагерных «прохорях» – специальных ботинках, не имеющих формы, без шнурков, на очень твердой, негнушейся подошве, которые выдавались всем помещенным в изолятор временного содержания или СИЗО.

Шаркая в неудобной тюремной обуви и стараясь постоянно за что-нибудь придержаться, старик кое-как добрался до крана. Открыв его, подставил под струйку воды пластиковый стаканчик. Напившись теплой, противной на вкус воды, отдававшей то ли ржавчиной, то ли канализацией, узник с таким же трудом добрался до нар и бессильно повалился на них, тяжело дыша и кусая губы, чтобы не застонать от боли.

В камере СИЗО, рассчитанной на четверых «постояльцев», он был один. Литовские власти сочли, что Макар Капитонович Бузько, восьмидесятипятилетний инвалид Великой Отечественной войны III группы, полковник в отставке, награжденный боевыми орденами и медалями, знаком «Почетный чекист» и бесчисленным количеством грамот и благодарностей, был слишком опасным преступником, чтобы позволить ему общаться с другими арестантами. Даже адвоката, чистокровного литовца по фамилии Зданявичус, к Макару Капитоновичу пускали неохотно и не слишком часто. Такую строгую изоляцию тюремное руководство объясняло «необходимыми мерами безопасности».

– Ведь вы не хотите, чтобы в камере вас растерзали настоящие патриоты литовского народа? – в первый же день, когда несчастного старика запихнули в СИЗО, с нескрываемым ехидством и наигранным пафосом процедил директор тюрьмы Мердзявичус, высокий, холерный офицер с надменным выражением лица и презрительной усмешкой, неизменно появлявшейся у него при разговоре с арестантами, особенно русскими.

– Это за что же меня должны разорвать ваши патриоты? – делая вид, что совершенно не понимает, почему он вдруг оказался в кутузке, поинтересовался Бузько у главного тюремщика. – Чем я так насолил вашим ревностным защитникам демократии?

– Вы – оккупант, и этого вполне достаточно! – все с тем же пафосом проговорил Мердзявичус и добавил: – Так написано в ваших бумагах.

Директор СИЗО демонстративно помахал перед носом ветерана несколькими листками сопроводительных документов.

В постановлении на арест, так же как и в обвинительном заключении, которые предъявил Макару Капитоновичу следователь по фамилии Гурскас, было написано, что «на протяжении нескольких лет, а именно с лета 1944 года по осень 1954 года, Бузько М. К., занимая различные, в том числе и руководящие должности в аппарате НКВД-МГБ города Шяуляя и его района, осуществлял геноцид коренного, а главное, мирного населения Литвы».

Правда, вменялся Макару Капитоновичу, как с сожалением констатировал следователь, всего только один эпизод – расстрел в сентябре 1945 года девятнадцати жителей деревни Лукон.

– Что вы можете рассказать по этому поводу? – подчеркнуто вежливо спросил следователь на первом допросе.

– Дак сколько времени-то прошло, – растерялся Бузько, – теперь разве ж вспомнишь!

– Придется вспомнить, господин каратель, – жестко проговорил следователь. В его голосе зазвенели металлические нотки. – По приговору Нюрнбергского трибунала подобные преступления срока давности не имеют!

– Ну, знаете ли, – возмущился ветеран, – вы меня, что же, к фашистам и их прихвостням решили приравнять?

– Именно так!

– Вот что, сынок, – справляясь с первым потрясением, заявил тогда Макар Капитонович. – Я с тобой на такие темы разговаривать не буду. Позови-ка кого-нибудь из начальства...

Бузько начал подниматься со стула, давая следователю понять, что больше разговаривать с ним не собирается. Но Гурскас резко прикрикнул на старика:

– Сидеть! Вам никто не разрешал вставать! И разговор наш еще не закончен... Так что вы можете рассказать о расстреле мирных жителей села Лукон?

– Да какие они, к шутам, были мирные, эти жители?! – закричал Бузько прямо в лицо следователю. – Что ты вообще об этом можешь знать?! Бандиты это были! Самые обычные бандиты, которые убивали, грабили, жгли, вешали...

– Во-первых, не орите на меня! – тоже повышая голос и багровея, ответил Гурскас. – Здесь вам не партсобрание! Это там вы могли на глотку брать, и никто вам слова поперек не говорил!

Он вдруг быстро успокоился, поправил галстук и тем же ровным, лишенным каких-либо эмоций голосом произнес, протягивая Бузько несколько листов бумаги:

– Ознакомьтесь. Это – постановление о привлечении вас к уголовной ответственности, а это – постановление о вашем аресте...

Такого поворота дела Макар Капитонович никак не ожидал. Растерянно переводя взгляд с одной бумаги на другую, он тараторил на следователя, силясь понять, что происходит.

– Как это – арестовать? – переспросил он наконец хриплым от волнения голосом. – За что?

– За убийство девятнадцати человек, совершенное с особой жестокостью и особо опасным способом, – твердым, сухим тоном ответил Гурскас, опять поправляя галстук и почему-то отводя глаза в сторону. – Ознакомьтесь и подпишите...

Все дальнейшее происходило для Макара Капитоновича как в тумане. Его что-то спрашивали, он отвечал, подписывал какие-то бумаги. Незнакомые люди в форме полиции совершенно бесцеремонно шарили у него в карманах, выкладывая их содержимое на стол. Потом на него надели наручники и посадили в машину с зарешеченными окнами. По бокам сели полицейские с каменными лицами и его куда-то повезли. Способность трезво мыслить вернулась к старику только тогда, когда он оказался в камере шяуляйского СИЗО.

Первая реакция у ветерана была самой примитивной, но вполне предсказуемой. Несмотря на возраст и больные ноги, он доковылял до двери и принялся из-за всех сил молотить в нее кулаками. Но охрана даже не подошла к его камере. Обессиленного старика нашли лежащим у порога только утром, когда шла обычная проверка всех камер. Бузько тут же поместили в лазарет, но уже через три дня перевели обратно в камеру, указав в «сопроводилке», что все произошедшее было «симуляцией с целью добиться изменения меры пресечения».

Самого же Макара Капитоновича, казалось, совершенно не интересовало то, что происходило вокруг него. Он замкнулся, перестал отвечать на вопросы следователя и тех, кто при-

ходил с проверками. Механически съедал то, что приносили, потом ложился на «шконку» и часами лежал, уставившись в потолок.

Человеческая память устроена так, что иногда некоторые давние события из нее стираются, казалось бы, навсегда. Но в нужный момент вспоминаешь их во всех подробностях, как будто все произошло только вчера. Нечто подобное случилось с Бузько. Когда следователь Гуркас спрашивал его о девятнадцати жителях села Лукон, Макар Капитонович совершенно искренне недоумевал по этому поводу, потому что действительно не помнил в деталях, что было шестьдесят с лишним лет назад. Но в тюремной камере с его памятью что-то произошло, и события того сентябрьского дня 1945 года в сорока километрах от Шяуляя, как и то, что им предшествовало, всплыли в ней со всей ясностью и со всеми подробностями.

...После освобождения большей части Литвы во второй половине сорок четвертого года капитану Бузько предложили возглавить оперативно-поисковый отдел Смерш на шяуляйском направлении. По данным контрразведки, в районе бродили разрозненные группы оказавшихся в окружении немцев, которые стремились любой ценой пробиться к своим. Но с этими было все более или менее понятно. Ими занималось НКВД со своим мощным аппаратом и целыми подразделениями, которые по численности и вооружению не уступали армейским. Значительно большую угрозу как воинским тыловым частям, так и местным жителям представляли банды бывших полицаев, карателей, немецких прислужников из националистических подразделений СС и прочих гитлеровских недобитков. Самой крупной в районе считалась банда Казимира Миликовского, поляка по национальности, бывшего помещика родом из этих мест.

– Этот Миликовский, – рассказывал Бузько усталым голосом комендант Шяуляя майор Остапчук, вконец замотанный, с покрасневшими от постоянного недосыпа глазами, – сволочь редкостная. Никогда в открытые столкновения с нами не вступает. Всегда норовит ударить исподтишка. При этом, гад, постоянно переодевает своих бандитов в форму солдат и офицеров Красной Армии. Чекисты тоже, конечно же, не лыком шиты. У нас по району в рейдах уже больше месяца находятся несколько групп во «власовской» форме, но ведь этого все равно мало. Ликвидировали они несколько бандгрупп, а вот к Миликовскому никак подход не могут найти...

– Что так?

– Хитрый, сволочь, как лис, – посетовал Остапчук. – Да и служба безопасности, скажем честно, у этих «мишкасов» работает не хуже нашей разведки.

– У каких «мишкасов»? – не понял Макар.

– Ну, это по-литовски так «лесных братьев» называют, – пояснил комендант. – «Мишкаис брали». А мы сократили по-своему – «мишкасы»...

– А чем Миликовский во время оккупации занимался? – поинтересовался Бузько, прихлебывая жиденский чаек, которым его угощал комендант.

– Да чем он мог заниматься? – отмахнулся тот. – Гадом был. Подпевалой, приспешником фашистским. Поместье ему немцы вроде бы вернули. Но не все, конечно, а только часть. Вот он из него и сделал «сельхозартель имени Адольфа Гитлера». Нечто наподобие наших колхозов... Поставлял немцам хлеб, овощи, фрукты, мясо, сало, молоко, консервы... Ну, короче говоря, кормил фашистов, которые здесь стояли, от пуза. Поговаривают, что даже курорт хотел для их раненых открыть, но не успел...

– А сейчас на чем больше специализируется? – продолжал расспрашивать Бузько. Что-то в рассказе коменданта зацепило Макара, хотя он еще не понял, что именно.

– На всем, – не задумываясь, ответил майор. – В основном, конечно, бандитизм и грабежи, но и диверсиями не брезгует, сволочь недобитая. За прошлую неделю три раза его шакалы разбирали железнодорожные пути. Взрывчатка у них, видать, закончилась, так они теперь вручную рельсы откручивают. Ремонтную бригаду путейцев, сволочи, расстреляли,

представителей советской и партийной власти истребляют... Ну и, конечно же, сельскую интеллигенцию терроризируют.

– И что, никаких зацепок нет? – удивился Бузько.

– Какие, к черту, могут быть зацепки! – обреченно махнул рукой Остапчук. – Они же тут все свои, местные... А вообще, знаешь, Макар, я здесь, как и ты, человек новый, всего толком еще не знаю. Вот тебе оперативно-поисковое дело на этого Миликовского, читай его, смотри и решай сам. На мою помощь сильно не рассчитывай. Но чем смогу – помогу...

Выложив перед Бузько довольно пухлую папку, майор устало потер глаза и пожаловался:

– Четвертые сутки не могу выспаться по-человечески. Эшелоны на Запад прут один за другим, а у меня ни паровозов, ни вагонов сменных, ни топлива для них не хватает... На фронт просился – не пускают, говорят, что там и без меня справятся, а я здесь нужнее... Черт знает что творится!

Поняв, что сейчас начнутся ставшие уже привычными жалобы на то, что служить в тылу не в пример сложнее, чем на фронте, Бузько быстро распрощался с комендантом и, прихватив папку с делом Миликовского, ушел к себе на квартиру. В разрозненных донесениях о действиях банды бывшего пана Макар довольно быстро заметил одну закономерность. Почти все свои налеты Миликовский совершал исключительно в тех местах, где раньше находились его владения. И лишь иногда вторгался на соседние территории. Кроме того, наблюдательный Бузько даже смог вывести определенную периодичность этих налетов.

Операция по разгрому Миликовского показалась ему очень простой. Бузько занялся ее разработкой, удивляясь в душе, почему его предшественники не видели очевидного.

Сообщение о дерзком налете на деревушку Приенкуле застало Макара Капитоновича врасплох. Оно никоим образом не укладывалось в ту схему нападений, совершенных бандитами, которую он для себя вывел.

На место происшествия немедленно выехала вся его группа в сопровождении взвода автоматчиков из комендатуры. Бандитов, конечно же, по горячим следам поймать не удалось, зато следы их зверств говорили сами за себя. «Лесные братья», перед тем как убить сельских активистов, долго над ними глумились. Обезображенные трупы бандиты подвесили на сельской площади за ноги. Вместе с председателем начавшего было возрождаться колхоза и агрономом они убили и молоденькую учительницу, которая всего три дня назад приехала в Приенкуле. Теперь колхоз поднимется не скоро. Почти животный страх стоял в глазах людей. Кроме того, «лесные братья» увели деревенский скот и забрали все колхозное зерно. Даже то, которое предназначалось для будущей посевной. Не погнушались «мишкасы» и тем, что хранилось в закромах у сельчан.

Жители, которых бойцы войск НКВД собрали на небольшой площади, угрюмо молчали, исподлобья поглядывая на окруживших их военных и на трупы, сложенные на несколько подвод. По опыту Бузько знал, что о чем-то расспрашивать крестьян сейчас было совершенно бесполезно. Они ничего не скажут, потому что бандитов пана Миликовского боятся значительно больше, чем солдат Красной Армии. Знал, но все же спросил:

– Куда поехали бандиты?

Ответом ему, как и следовало ожидать, было настороженное молчание. Большинство даже избегали смотреть на солдат.

– Ну и черт с вами, – неожиданно разозлился Бузько. – Пусть они вас и дальше дерут, как липу по весне! Зимков, – окликнул он одного из своих оперативников, – возьми парутройку бойцов и осмотри околицу. «Миликовцы» гнали скот, должны остаться следы...

Сняв пилотку, Макар вытер рукавом пот. Мысли у него работали лихорадочно.

«Нападение произошло около трех часов назад, – соображал он. – Бандиты нагрузили подводы доверху. Да еще коровы... Значит, быстро идти они не смогут. На грузовиках мы их точно нагоним. Главное, выяснить, в какую сторону они поехали...»

– Товарищ капитан! – неожиданно окликнул Бузько радист. – Комендант звонит! Вас требует... Срочно!

– Бузько на связи! Говорите! – прижимая к уху мембрану наушника, громко проговорил Макар.

– Бузько, миленький! – зазвучал взволнованный голос Остапчука. – Ты где сейчас?!

– Как где? В Приенкуле...

– Бросай все и срочно возвращайтесь в Шяуляй! – прокричал Остапчук. – У меня данные о том, что Миликовский со своей бандой едет прямо к нам в город!

– Не может такого быть, – не поверил Бузько, но на всякий случай подозвал к себе командира комендантского взвода. – По моим данным, они должны быть где-то неподалеку...

– Вот именно, что неподалеку... от Шяуляя! – с надрывом в голосе крикнул Остапчук. – Так что бросай все и мигом ко мне! Я тебя умоляю. Конец связи...

В наушниках противно затрещало. Бузько растерянно передал радисту наушники. Несколько секунд смотрел на подошедшего лейтенанта.

– Значит, так, лейтенант, – медленно выговаривая слова, протянул Макар. – Забирай взвод и дуй с ним в Шяуляй. Там какой-то аврал... Хотя нет, отставить. Три бойца мне нужны. Желательно с пулеметом.

– Есть, – козырнул взводный и тут же распорядился: – Терещенко, Алехин, Макаров – поступаете в распоряжение товарища капитана. Остальные – в машину. Живей...

У смершевцев была своя машина, старенькая полуторка. Поэтому-то Бузько и решил разделиться. Он прекрасно понимал, что защита Шяуляя организована достаточно надежно, и если Миликовский даже рискнет ворваться в город, то захватить его не сможет, хотя шуму там наделает много. Во всяком случае, показать свою силу и продемонстрировать беспомощность восстанавливаемой советской власти сумеет.

Но, с другой стороны, безнаказанно отпустить отряд Миликовского, даже не попытавшись его догнать, было бы неразумно. К тому же коменданту Бузько не подчинялся. Скорее тот был обязан ему во всем содействовать и не задавать лишних вопросов. Да и для того, чтобы отразить налет банды, сил у Остапчука было предостаточно. Так что его распоряжение – немедленно вернуться в Шяуляй – можно было расценивать только как просьбу. И то вызванную минутной растерянностью.

Как выяснилось позднее, решение Бузько оказалось совершенно правильным.

– Товарищ капитан, – тронув Бузько за рукав гимнастерки, проговорил, подходя, Зимков. – Есть следы. За деревней. Ведут на север, в лес...

– Отлично, что у нас там находится? – Макар быстро развернул карту. Но Зимков, даже не взглянув на нее, торопливо проговорил:

– Одна лесная дорога, болото, дальше с десятков хуторов и пара деревень...

Бузько недоверчиво посмотрел на Зимкова, но, вспомнив, что тот прибыл в Шяуляйский округ раньше него, промолчал.

– Я так полагаю, командир, – продолжал Зимков деловито, – что лучше всего их у Лукона встретить. Есть тут такая деревенька небольшая, дворов двадцать-тридцать всего. Там, по слухам, у Миликовского что-то вроде перевалочной базы, так что вряд ли они ее минуют...

«Так вот что меня зацепило, когда прочитал дело на пана Миликовского, которое дал мне комендант, – понял Бузько. – Ну конечно, потому и скрывался он после налетов в своих бывших владениях, что там его знали и боялись, а то и сознательно поддерживали в расчете на милости с барского плеча. Надо будет основательно потрясти такие дальние деревеньки, как этот Лукон...» Вслух же Бузько, сидя на подножке «полуторки», с деланным возмущением проговорил:

– И ты молчал?! – Он буквально просверлил Зимкова взглядом.

– А чего говорить-то? – виновато потупился тот. – Точных данных нет, а проверить слухи времени не хватило...

– Ладно, я с тобой потом на эту тему поговорю, – пообещал Макар. – А сейчас все лезьте в кузов, едем в этот Лукон...

– Погодите, товарищ капитан, – опять остановил Бузько Зимков. – Тут одна закавыка есть...

– Какая, к чертям, закавыка?! – возмутился Макар, запрыгивая в кабину. – Быстро лезь в кузов!

– Товарищ капитан, – торопливо заговорил оперативник, – тут другая дорога есть, через лес. Только на машине мы не больше пяти километров сможем проехать, а дальше придется пешком идти...

Бузько несколько минут пристально рассматривал Зимкова, как будто видел его впервые, потом коротко бросил:

– Залезай в кабину и показывай дорогу...

Глава 2

Зимков не ошибся. Группа Бузько опередила бандитов на полчаса, которых бойцам вполне хватило для того, чтобы устроить засаду на окраине Лукона, не появляясь в селе. Едва они успели занять позицию в зарослях возле опушки, метрах в пятистах от деревни, как из леса на поле выкатили несколько подвод.

В первый момент Макар растерялся. Телеги сопровождали люди, одетые в красноармейскую форму. У многих были награды на груди. Он уже собрался было выйти навстречу, но вдруг что-то показалось ему нетипичным для строевого красноармейского подразделения. Вскинув бинокль, Бузько внимательно осмотрел движущиеся телеги. Так и есть! Сидящий на передней подводе красноармеец отхлебнул из большой бутылки мутную жидкость, поморщился и передал ее второму. Сидящий рядом с ним человек с погонами майора недовольно обернулся. Лицо у него густо заросло рыжеватой, не слишком опрятной бородой. Козырек фуражки был сломан пополам.

Бузько лихорадочно прикидывал расстояние до обоза – около пятидесяти-шестидесяти метров. С ним всего десять бойцов, при одном пулемете, пяти автоматах и стольких же пистолетах, гранат всего три... Бандитов капитан насчитал двадцать – двадцать пять человек при трех пулеметах «МГ». Завязывать бой при таком раскладе было глупо, но и упускать «братьев» было никак нельзя.

– Зимков, Прохоров, – тихо приказал Бузько, – за мной. Остальным передайте: огонь открывать только после того, как я брошу гранату. Пусть бандиты до последнего думают, что нас всего трое...

– Рисуем, товарищ капитан, – с сомнением в голосе прошептал тот. – Не эти, так наши могут зацепить...

– Не подставишься – не зацепят, – нравоучительно заметил Бузько и тронул висевшую на поясе «лимонку».

Расчет Бузько был простым. Отвлечь внимание бандитов, заставить их собраться возле одной из подвод покучнее и, швырнув гранату, быстро отползти в сторону, под прикрытие кустарника. В этот момент спрятавшиеся в засаде бойцы должны были открыть огонь, по возможности не обнаруживая себя. План был рискованным, но вполне выполнимым. Главное, чтобы взрыв гранаты вывел у бандитов из строя хотя бы один пулемет. В этом случае шансы смершевцев хоть немного, но уравнивались.

– Говорить буду я, – торопливо отдавал распоряжения Бузько, не отрывая взгляда от неторопливо приближающегося обоза. – Ваша задача – не дать бандитам взять нас в кольцо. Внимательно следите за моей правой рукой. Бросать гранату буду снизу, с короткого замаха. Как только я ее метну, сразу падайте на землю, открывайте огонь по последней подводе. И ради всего святого – никакой самодеятельности!

В старшине Прохорове, которого Макар знал года полтора и с которым не раз попадал в разные переделки, капитан был уверен. К тому же старшина был вооружен новым автоматом «ППС-43». Скорострельность у него значительно выше, чем у немецкого «МП-40», да и прицельная дальность стрельбы была раза в три побольше. А если учесть, что «мишкасы» ни сном ни духом не ведали об уготованной им участи, то можно было надеяться на то, что задуманное Бузько пройдет как по маслу.

Подводы продвигались медленно, видимо, «братья» их здорово перегрузили. Не исключено, что они просто не спешили, полностью уверенные в своей безопасности и безнаказанности. Уже и без всякого бинокля можно было во всех подробностях рассмотреть лица бандитов и даже услышать обрывки их разговора.

С замирающим сердцем Макар отцепил «лимонку», на ощупь отогнул усики и выдернул кольцо, крепко зажав в кулаке рычаг замедлителя. Резко поднявшись с земли, он шагнул из кустов навстречу подводам и сопровождавшим их «лесным братьям». Руку с гранатой Бузько предусмотрительно прижал к правому бедру так, чтобы ее было не видно.

– Ой, хлопцы, радость-то какая, – первое, что пришло ему в голову, проговорил Макар, растягивая губы в улыбке. – А мы тут с браточками заплутались, нияк не разумеем, до якого краю нам подаваться, щоб до Шяуляю выйти...

Как он и предполагал, «мишкасы» от неожиданного появления на лесной дороге незнакомого офицера и двух его спутников растерялись. Бородатый «майор» даже разинул рот от удивления.

– А кто вы такие? – приходя в себя, через некоторое мгновение спросил он строгим голосом, почти без всякого акцента. – По кустам зачем-то прячетесь... Вы, случайно, не из этих, не из «лесных братьев»?

Говоря это, «майор» неторопливо слез с телеги и направился к ним. Остальные бандиты тоже не спеша начали подходить к незнакомым военным. Бузько заметил, что, хотя они и пытались скрывать свои намерения, действуя по какой-то только им известной схеме, лица у всех были напряженными. Макара успокаивало только то, что почти никто из «мишкасов» не взял с подвод оружия.

«Значит, решили либо брать нас живьем, либо придушить втихаря, без единого выстрела, – подумал Бузько, скосив глаза в сторону отошедшего на несколько шагов влево Прохорова. – Им же наша форма нужна. Причем чистая, без дырок и кровавых пятен».

– Та ты що, сказывся?! – возмутился Макар. – Яки ж ми братья? Ми с интендантской роты, насчет заготовки шукаем. У мени ж и документ е.

– А оружие вам зачем? – тщательно выговаривая русские слова, спросил «майор», одновременно делая едва заметный кивок головой одному из своих бандитов. Тот медленно, словно нехотя, стал обходить смершевцев, намереваясь зайти им со спины.

«Все понятно, – как-то отстраненно подумал Бузько, – убивать нас будет он... Значит, пора».

– Так вже война ще иде, – как бы удивляясь наивности вопроса, ответил он и, словно невзначай, хотел развести руками. «Лимонку» он при этом со всей силой выбросил вперед и вверх. Крутясь в воздухе, граната пролетела над головами бандитов и шлепнулась на ближайшую телегу.

«Мишкасы», не ожидавшие подобной выходки от капитана, с удивлением обернулись на странный предмет. Этих коротких мгновений Бузько, Зимкову и Прохорову оказалось достаточно, чтобы выхватить оружие, упасть на землю и несколько раз перекатиться в разные стороны, сбивая бандитов с толку. При этом Бузько сделал несколько выстрелов из своего «ТТ», целясь в «майора». Слово в замедленном кино он видел, как все три пули, вспоров ткань гимнастерки, вонзились бородачу в грудь. Второго, который пытался зайти сзади, короткой очередью скосил Прохоров.

Почти тут же прогрехотал взрыв «лимонки», разметав телегу и то, что на ней было навалено, в разные стороны. Попавшие в зону поражения осколками бандиты были либо убиты, либо ранены. Ураганный пулеметно-автоматно-пистолетный огонь из зарослей довершил разгром отряда бандитов. Из двадцати трех человек, которые сопровождали награбленное в селе Приенкуле, в живых остались только четверо. Двое были тяжело ранены осколками гранаты, а двоих легко зацепили шальные пули. Было жалко лошадей. Две кобылы бились в предсмертной агонии, и их пришлось пристрелить.

Дальнейшие действия смершевцев были привычным в таких случаях делом. Подводы они разгрузили на опушке, сложили на них трупы «лесных братьев» и повезли в Лукон на опознание. В селе Бузько разыскал председателя местного сельсовета, низкорослого, колчено-

гого мужичонку неопределенного возраста и неопрятного вида, в засаленном кургузом немецком кителе со споротыми нашивками. Часто кланяясь, он все время пытался заглянуть в глаза Макару и приговаривал, мешая русские и литовские слова:

– Тай гярей, господин командир, вы нас испавили от тех бандитов! Много бяды от них трепили. Много ачус вам за то...

Макар, не обращая внимания на все эти то ли причитания, то ли плохо прикрытый подхалимаж, потребовал телефон и позвонил в Шяуляй. Коротко обрисовав Остапчуку ситуацию, он потребовал выслать машину, чтобы перевезти трупы бандитов в город.

Из всех убитых и раненых, которые были представлены в Луконе для опознания, восемь человек были установлены как активные участники «Литовского национального сопротивления». Личности остальных бандитов выясняли сотрудники местного НКВД, которые вели следствие по делу о расстреле жителей села Приенкуле.

Бузько прекрасно помнил, что выжившие бандиты были допрошены самым тщательным образом. Все они в один голос утверждали одно и то же: убитые были «лесными братьями» из банды Миликовского. Трое из убитых оказались какими-то крупными шишками в банде. Собственно говоря, в той схватке под Луконом была впервые основательно потрепана банда пана Миликовского. Полностью же уничтожить ее удалось только в конце 1948 года.

И вот спустя шестьдесят с лишним лет выяснилось, что все они были «мирными жителями».

Обо всем этом Макар Капитонович размышлял, лежа на тюремной шконке в ожидании решения очередного заседания Верховного суда «Републикас Литува».

Глава 3

Олег Борисович Болдырев, генерал-майор ФСБ, руководитель одного из отделов управления контрразведки, раздраженно бросил телефонную трубку на рычаг, рывком поднялся из кресла и нервно прошелся по кабинету. Замерев у большого окна, он невидящим взглядом уставился на пейзаж за стеклом. Обычный городской пейзаж центра Москвы XXI века – бетонно-стеклянное море многоэтажек, башен и старинных особняков. Бесформенная серая масса под ярко-голубым весенним небом.

Всего неделю назад он по-детски радовался тому, что наконец-то пришла настоящая весна, что асфальт очистился от надоевшего за зиму снега, что скоро можно будет переехать на дачу.

Досталась она Олегу Борисовичу от его деда, генерала КГБ. Несколько дней Болдырев ходил в приподнятом настроении, предвкушая, как он приедет в деревню, протопит дом, наведет в нем порядок, а потом вплотную займется садом... Минутный телерепортаж в вечерних новостях заставил его забыть об этих простых земных радостях.

В тот вечер Олег Борисович, как всегда перед уходом домой, включил телевизор, привычно прослушивая последние новости и делая пометки в рабочем блокноте.

– Информация из Литвы, – внятной скороговоркой сообщил диктор. – В Верховном суде этой прибалтийской республики начались слушания по делу восьмидесятипятилетнего полковника в отставке Макара Капитоновича Бузько. Напомним, что ветеран Великой Отечественной войны, бывший чекист, был задержан следственными органами Литвы за преступления, якобы совершенные им в 1945 году во время службы в военной контрразведке Смерш. Согласно выдвинутым против него обвинениям Бузько участвовал в расстреле мирных литовских граждан. Так, в одном из сел Шяуляйского района по его приказу и при непосредственном участии было уничтожено девятнадцать человек, принадлежавших к националистической организации «Лесные братья». Сам Бузько вины за собой не признал и продолжает утверждать, что уничтожал только бандитов, которые мешали восстановлению законной власти на бывшей оккупированной территории. Его адвокат Римвидас Зданявичюс, литовец по национальности, придерживается того же мнения и требует изменения меры пресечения – с «содержания под стражей» на «подписку о невыезде». Однако литовские власти считают, что Бузько может скрыться от правосудия. Если его признают виновным, то ему грозит большой тюремный срок. Хотя, по большому счету, сколько бы ни присудили Макару Капитоновичу, в силу преклонного возраста и состояния здоровья для него любой срок может оказаться пожизненным...

Дальше диктор говорил что-то о забвении исторической памяти о Великой Отечественной войне, о том, что в прибалтийских республиках по-прежнему продолжают издеваться над русскоязычным населением, одновременно превознося членов профашистских организаций как непримиримых борцов со сталинским режимом. Но Болдырев все это уже не слышал. Еще в самом начале репортажа, услышав фамилию старика, он насторожился. Но как только на экране возникла фотография обвиняемого, он просто замер в каком-то ступоре, не в силах поверить в реальность происходящего. На фото, которое показывали по телевизору, Болдырев увидел хорошо знакомое ему с детства лицо. Лицо лучшего фронтового друга его деда, Ивана Болдырева. Того самого Макара Бузько, который спас своего фронтового товарища в 1941 году. Дед всегда рассказывал эту историю с дрожью в голосе.

...В июле сорок первого года войска вермахта наступали стремительно. Командование Красной Армии не успевало не то чтобы организовать хоть сколько-нибудь эффективную оборону по всему фронту, но хотя бы на неделю-другую задержать врага на основных направлениях удара, дать возможность эвакуировать наиболее важные предприятия, технику, склады

продовольствия. Но самое главное – вывести в глубину России людей, прежде всего семьи военных, специалистов предприятий.

Пытаясь хоть как-то сдержать стремительное продвижение фашистских войск, в бой бросали всех, кто мог задержать противника. 5-я Особая школа НКВД специального назначения, которая, по замыслу создателей подобных учебных заведений, должна была готовить из уже действующих офицеров НКВД диверсантов для работы в тылу противника, в полном составе была брошена на оборону Шяуляя. Но пока из курсантов сформировали боевую часть, немцы, смяв малочисленные заслоны на главных дорогах, захватили Паневежис, станцию Шедува и вышли к Радвилишкису, небольшому городку всего в нескольких километрах от Шяуляя. Теперь он, по сути дела, оказался в тылу. В город вот-вот должны были войти передовые части вермахта. Руководство школы приняло, как тогда казалось, единственно правильное решение – объявить всех курсантов выпускниками, снабдить их неким подобием дипломов и отправить прорываться через линию фронта мелкими группами. А по возможности создавать в тылу у немцев диверсионно-партизанские отряды и впоследствии самим устанавливать связь с командованием соединений и частей Красной Армии.

«Выпускники», у многих из которых был определенный боевой опыт, разбились на группы по десять-пятнадцать человек и разбрелись по лесам Жмуди в надежде догнать откатывавшийся на восток фронт и выйти к своим. Не имея подробных карт, они шли наугад. Повезло немногим. К тому же идея с созданием диверсионно-партизанских отрядов в тылу противника провалилась с первых же дней. Местное литовское население не просто не желало воевать с немцами – наоборот, оно чуть ли не поголовно и довольно охотно с ними сотрудничало, выдавая оккупационным властям попавших в окружение советских солдат и офицеров.

Группа, в которую попали Бузько и Болдырев, была почти полностью уничтожена на пятый день после того, как они покинули Шяуляй. От двух десятков человек в живых осталось только шестеро, из которых двое были тяжело ранены. На вторые сутки после боя они вышли к какому-то хутору, хозяин которого на все вопросы твердил только одно – «ня супранту», что означало «не понимаю». Тогда взбеленившийся Болдырев, который негласно был командиром группы, пообещал, что они устроят на его подворье засаду и начнут отстреливать всех появляющихся в поле зрения немцев.

Литовец тут же стал «супранту руски». Не желая на хуторе стрельбы, он не только накормил окруженцев, но и дал им с собой провизии, лишь бы красноармейцы побыстрее убралась восвояси. И сразу же сдал их немцам, которые подъехали на хутор через несколько часов после того, как группа ушла в лес. На машине гитлеровцы достаточно быстро настигли советских бойцов. В результате короткого неравного боя контуженный взрывом гранаты Бузько и раненый в бедро осколком этой же гранаты Болдырев попали в плен.

Их впахнули в колонну таких же, как и они, военнопленных и куда-то погнали. Как потом выяснилось, на железнодорожную станцию Друя в Белоруссии. Там всех поместили в концлагерь, который пленные строили для себя сами. На голом месте оградили территорию колючей проволокой, которую немцы в огромных количествах возили с собой, поставили вышки для охраны.

Первые три-четыре дня пленными никто не интересовался. И не кормил. Между собой в лагере никто не общался. Задавать вопросы о том, как попал в плен, из какой части, откуда родом, в каком звании, было не только не принято, но и опасно. За такое могли и прибить, считая стукачом-провокатором. Все были заняты только поиском еды. Ели все, что могло бы сгодиться в пищу.

Через несколько дней, видимо, посчитав, что люди достаточно сломлены голодом и своим унижительным, безысходным положением, «в загон» неожиданно явилось несколько чинов. Всех пленных выстроили в шеренги. Толстый немец в мундире грязно-серого цвета и до блеска начищенных сапогах взобрался на открытую платформу грузовика и заговорил.

– Немецкое командование, – вещал он через рупор на ломаном русском языке, – предлагать вам работа. Вы есть ненужный элемент для ваша страна, которая очень скоро станет капитулировать. Если кто-то хочет выжить и стать подданный Великий Германия, он должен много и хорошо трудиться. Тех, кто станет отказываться работать и саботировать, ждет страшный смерть. Наше командование уметь хорошо заботиться о верный подданный. Все, кто пожелать работать, будет переведен в удобный барак, ему оказать медицинская помощь. Он будет получать еда, сигареты, новая одежда и ходить мыться. Он сможет жить. Остальные будут умирать...

Посчитав, очевидно, что на этом агитационное мероприятие можно закончить, толстяк, очень довольный собою, слез с платформы и неторопливо зашагал к группе офицеров, с высокомерными лицами куривших неподалеку.

Пленные хмуро молчали, стоя в шеренгах и переминаясь с ноги на ногу.

– Ваня, – тихо проговорил Бузько и дернул Болдырева за рукав замызганной гимнастерки, – а ведь это шанс...

– Какой еще шанс? – глухим, равнодушным голосом переспросил будущий генерал КГБ.

– Бежать, Ваня, шанс...

Болдырев уставился на однокашника тусклыми глазами.

– С ума сошел, Макар? – все тем же безжизненным голосом поинтересовался он и вдруг замолк. Во взгляде промелькнула пока смутная надежда.

– Ты полагаешь... – Болдырев недоговорил.

– Уверен, – твердо ответил Бузько. – Только надо кого-то еще с собой взять. Одни мы не справимся... У тебя же...

И Макар выразительно посмотрел на ногу друга, кое-как перевязанную грязными окровавленными тряпками.

– За это не беспокойся, – твердо заверил Болдырев. – Я жилистый, выдюжу... У тебя план какой-нибудь есть?

– Да какой тут может быть план, – буркнул Макар. – Сейчас главное – вырваться отсюда, а там сообразим, что к чему.

В тот же вечер Бузько и Болдырев чуть ли не в первых рядах подошли к шнырявшим между пленными вербовщикам. Толстый немец не обманул. Всех, кто изъявил желание «стать подданный Великий Германия», действительно вымыли. Если, конечно, можно назвать мытьем полив арестантов холодной водой из пожарных рукавов. Потом всех осмотрел врач, проверявший их физическое здоровье. Он с сомнением покосился на окровавленную повязку Болдырева, но, когда тот лихо проскакал на больной ноге несколько метров, махнул рукой и даже оторвал кусок чистого бинта. Тем, кого признали годными к работам, выдали арестантскую робу и, наконец, дали баланду и по куску не самого лучшего хлеба.

Новый лагерь, в который их перевели, был сооружен немцами с присущей им педантичностью на территории полуразрушенного овощехранилища. Высокий бетонный забор, по углам вышки с пулеметами, прожектора, охрана внутри лагеря. Складские помещения практичные немцы приспособили под бараки, установив в них трехъярусные нары. Всем выдали тощенькие соломенные матрацы и лоскут материи, который надлежало использовать вместо одеяла.

С неделю люди приходили в себя после пережитого. Немцы, видимо, понимая, что пленникам необходимо немного отдохнуть, не загружали их работой. А спустя неделю начали отправлять на ремонт железнодорожных путей. Возили под охраной, в закрытых товарных вагонах без окон.

На работах Бузько и Болдырев сразу же сообразили, что где-то неподалеку действуют диверсионные группы. На худой конец – партизаны. Впрочем, приглядевшись к характеру повреждений полотна, несостоявшиеся диверсанты пришли к выводу, что действуют не про-

фессиональные подрывники: слишком уж топорно закладывалась взрывчатка. О том, что догадки насчет партизан оказались верны, говорило и поведение немцев – они вдруг стали какими-то нервными, пугливыми, усилили охрану работающих пленных, старались не отходить далеко от железнодорожного полотна. Оставалось немного – придумать способ, как связаться с этими партизанами. Но каким образом это сделать, ни Болдырев, ни гораздый на выдумки Бузько не представляли. Помог случай.

Однажды во время ремонта поврежденного участка дороги из лесу вышла девочка лет двенадцати. Она была одета просто, если не сказать бедно, к тому же босая. Но лицо у нее было чисто вымыто, а на голове повязан белый платочек. В одной руке девочка держала лукошко, а второй крепко сжимала ручонку белобрысого мальчишки. По-видимому, младшего братишки.

Дети появились неожиданно. Даже трое стоявших неподалеку немцев-охранников опешили на какое-то время. Пленные тоже прекратили работу и молча смотрели на детей. Неожиданно один из пожилых немцев расплылся в благодушной улыбке и призывно помахал девочке и ее братику рукой.

– Русиш киндер, – позвал он, роясь в кармане брюк, – ком цу мир, медхен...

Девочка от его голоса вздрогнула и то ли удивленно, то ли испуганно пискнула:

– Ой, мамоньки, та це ж нимцы... Ратуйте, людоньки!

Она выронила лукошко, из которого на траву посыпались крепкие подосиновики и боровики, развернулась и побежала к лесу, таща за собой мальчонку. У того заплетались ноги от быстрого бега.

– Медхен, – закричал пожилой охранник. – Киндер! Ихь хабе кайн махе дизер шлехт! Ихь хабе шоколяде...¹

Он хотел сказать что-то еще, но не успел. Второй охранник, молодой парень с толстыми розовыми щеками, покрытыми рыжеватым пушком, скинул с плеча винтовку, клацнул затвором и стал неторопливо прицеливаться.

– Ганс! Найн!!! – закричал пожилой немец, заметив действия своего напарника. – Дас ист ниht руссиш зольдатен! Дас ист кляйне киндер, Ганс!²

Но было поздно. Выстрел гулко разорвал воздух. Девочка, которая не могла быстро бежать из-за своего братишки, внезапно споткнулась, но не упала. Она медленно развернулась, продолжая удерживать мальчишку за руку. На детском личике не было ни страха, ни боли, а только удивление. Мальчик тоже не плакал. С неммым ожиданием переводил взгляд с неожиданно остановившейся сестры на стоявших на насыпи немцев и замерших пленных.

Охранник, видя, что цели теперь неподвижны, как мишени в тире, неторопливо передернул затвор и выстрелил еще раз. Девочка упала, а мальчик, повернувшись в сторону выстрела, что-то прокричал. Немец громко засмеялся и выстрелил в третий раз, почти не целясь.

– Вас махст ду, Ганс? – с трагическими нотами и неподдельной болью в голосе прошептал пожилой охранник. – Дас ист кляйне киндер!..³

– Дас ист кляйне руссише швайне, Йоган! – твердо ответил Ганс, закидывая винтовку на плечо. – Унд ду бист думкман!⁴

– Ду бист думкопф! – с отчаянием выкрикнул Йоган. – Дас думкопф! Унд дер хунд!!! Зер шлехт унд думкс хунд! Унд эзель!⁵

¹ Девочка! Дети! Я не сделаю вам ничего плохого! У меня есть шоколад... (нем.)

² Ганс! Нет!!! Это не русские солдаты! Это маленькие дети, Ганс! (нем.)

³ Что ты сделал, Ганс? Это же маленькие дети!.. (нем.)

⁴ Это маленькие русские свиньи, Йоганн! А ты – дурак! (нем.)

⁵ Это ты глупец! Глупец! И собака!!! Гадкая, глупая собака! И осел! (нем.)

– Вас?! – с плохо скрываемой угрозой спросил Ганс и опять потянул с плеча винтовку. – Вас загст ду? Видерхоле, битте...⁶

Третий охранник насмешливо, но очень внимательно наблюдал за происходящим, не вмешиваясь в перебранку. Ганс и Йоган, увлеченные руганью, которая, видимо, происходила между ними нередко, совсем перестали обращать внимание на полтора десятка пленных, которых должны были охранять. Упустить такой случай было просто преступно.

Ганс, уже снявший винтовку с плеча, вдруг судорожно дернулся и как-то странно прогнулся в плечах, отводя их назад и роняя свой маузер «К-98» на щебень насыпи. Между лопаток у него торчала кирка, острый конец которой глубоко вошел в спину немца. Болдырев с каким-то страшно-зверским лицом продолжал удерживать ее за рукоять, не давая практически мертвому охраннику упасть. Секунду спустя он медленно, словно нехотя, разжал побелевшие от напряжения пальцы, отпуская кирку.

Тот самый конвоир, который все это время не вмешивался в свару между своими, удивленно смотрел, как Ганс опустился сначала на колени, а затем ткнулся лицом в насыпь. Долго удивляться ему не пришлось. Стоявший ближе всех к нему пленный с натужным, хриплым выдохом ударил немца штыком лопаты по горлу, раскроив его от уха до уха. Из большой рваной раны хлынула густая черная кровь.

Йоган, пожилой охранник, который пожалел детей, с ужасом смотрел на происходящее, не в силах оказать сопротивление или хотя бы подать сигнал тревоги на стоявшую впереди состава железнодорожную платформу. На ней, возле тяжелого крупнокалиберного пулемета «браунинг», сидели остальные солдаты-конвоиры. Это замешательство стоило сердобольному немцу жизни. Понимая, что его замешательство не будет длиться вечно, Бузько наотмашь ударил Йогана своей киркой по голове. Каска, которая должна была защищать голову немца от случайных пуль и осколков, оказалась совершенно бесполезной перед мирным шанцевым инструментом.

– Хватайте оружие, и к лесу! – задыхаясь, проговорил Бузько, первым поднимая винтовку убитого им конвоира и торопливо расстегивая на нем ремень с патронными подсумками, ножом и фляжкой. – Быстрее, славяне! Быстрее, пока эти суки не опомнились...

С платформы по-прежнему доносились беспечные звуки губной гармошки. Получившие неожиданную свободу пленники не заставили себя повторять дважды. Они врассыпную кинулись с полотна дороги к лесу. Немногие из них сообразили, что бежать надо, пригибаясь и петляя, чтобы остальные конвоиры не сразу их заметили.

Бузько бежал, пригнувшись, задыхаясь от волнения и внезапной нагрузки одновременно. Сзади он слышал такое же натужное, хриплое дыхание Болдырева.

– Макар, дети... – прохрипел Болдырев, нагоняя Бузько и пытаясь придержать его за руку. – Может, они еще живы...

– Я понял...

Задержавшись, Макар попробовал осмотреться, хотя прекрасно понимал, насколько он рискует. Немцы в любой момент могли обнаружить попытку побега и открыть стрельбу.

Болдырев первым наткнулся на тела девочки и мальчика, которому повезло больше, чем его сестренке. Пуля Ганса прошла по касательной, лишь содрал с головы лоскут кожи. Ребенок потерял сознание от боли и страха. Понимая, что спасать надо того, кого можно спасти, Болдырев сунул винтовку Бузько.

– Прикрой, в случае чего...

Подхватив бесчувственное тело ребенка, Иван распрямился в полный рост и, прихрамывая на так и не зажившую ногу, устремился к лесу. До него было совсем недалеко, когда от железнодорожного полотна раздался одиночный выстрел.

⁶ Что?! Что ты сказал? Повтори-ка, пожалуйста... (нем.)

– Ахтунг! Хальт! Фойер! – прозвучало несколько запоздавших команд одновременно. И почти тут же затрещали выстрелы из карабинов, которые мгновенно потонули в грохоте крупнокалиберного «браунинга». Пули с сухим шорохом пронеслись над головами убегающих людей, срезая ветки деревьев, как бритвой. Иван, бежавший впереди Бузько с ребенком на руках, перед самым лесом вдруг споткнулся, с размаху заваливаясь в кустарник. На плече у него расцвело большое багровое пятно.

– Макар, мальчишку прими, – прохрипел он, тщетно пытаясь подняться на колено.

– Вместе уходить будем, Ваня, – нагибаясь над товарищем и помогая ему подняться, ответил Бузько. – Только вместе...

Глава 4

Генерал Болдырев провел по лицу рукой и тряхнул головой, словно отгоняя какое-то наваждение. Рассказ о том, как его дед, раненный в спину, спасенный им мальчик Петрусь и Макар Капитонович все-таки смогли укрыться в лесу, он с детства помнил до мельчайших подробностей. Как почти сразу же они наткнулись на два десятка таких же, как и они, окруженцев, которые пытались пробиться через линию фронта, не имея даже представления, где она проходит. Как потом скитались по Полесью, собирая «товарищей по несчастью» и не забывая мстить немцам при каждом удобном случае. Как оставшиеся в живых сумели прорваться к своим только в конце октября. Как проходили проверку в фильтрационном лагере НКВД, чуть было не угодили на Колыму, но все обошлось благодаря тому, что стали нужны специалисты по организации диверсионных групп для работы в тылу у гитлеровцев...

Все эти рассказы генерал слышал не раз и не два и не уставал поражаться тому, сколько сил оказалось у его деда и дяди Макара, чтобы выжить, не сломаться, найти свое место в строю. Кстати говоря, старик Болдырев до последних своих дней оставался бодрым и активным, живо интересуясь всем, что происходит и в мире, и в стране, и на службе, которую он давно уже оставил.

И вот теперь его лучший друг Макар Капитонович оказался за решеткой литовской тюрьмы только за то, что когда-то освобождал ее от гитлеровских войск и банд «лесных братьев».

– Ничего нельзя сделать официально, – презрительно процедил Олег Борисович, передразнивая своего недавнего телефонного собеседника из МИДа России, который уверял его, что дипломаты принимают все возможные меры. – Какие, к черту, меры он принимает, этот МИД? Тут надо действовать радикально, а не болтологией заниматься...

Пройдясь по просторному кабинету, он опять остановился перед окном. Будучи начальником отдела управления контрразведки, Болдырев имел почти неограниченные возможности. Но самое главное, он имел доступ к документам с «двумя нулями» – с грифом «Совершенно секретно». Всего за неделю ему удалось совершить, казалось бы, невозможное – добыть подробный отчет о судебном процессе над Бузько. Но что это давало ему сейчас? Почти ничего. Репортажи об этом событии ежедневно показывали все российские телеканалы. Да и не только российские, но и европейские. Однако литовское правосудие никак не реагировало на голоса правозащитников, монотонно повторяя одно и то же: мол, это личное внутригосударственное дело республики. Прибалтийские же средства массовой информации, захлебываясь от восторга, визжали о торжестве демократии в их странах и называли Макара Капитоновича не иначе как оккупантом.

Было, конечно, и кое-что положительное в том, что «дело Бузько» получило столь громкую огласку. Президент России во всеуслышание пообещал, что возьмет его под личный контроль. А после того, как было обнародовано, что Верховный суд Литвы утвердил приговор первой инстанции – десять лет лишения свободы с содержанием в тюрьме, Глава одной шестой части суши и вовсе заявил о том, что Макар Капитонович получает российское гражданство, минуя все необходимые для этого процедуры.

Литовские власти отреагировали мгновенно. Освобожденный было под залог с правом отбывать наказание под домашним арестом, Бузько был тут же вновь арестован и помещен в камеру Шяуляйского СИЗО, где дожидался решения Европейского суда. По данным, которыми располагал Олег Борисович, решение это, скорее всего, будет отнюдь не в пользу старика.

«Дядя Макар, дядя Макар... – тоскливо подумал Болдырев. – Чем же тебе помочь? Выкрасть, что ли, старика у этих, с позволения сказать, борцов за демократию?».

Эта мысль понравилась Олегу Борисовичу. Быстро вернувшись к рабочему столу, он схватил трубку внутреннего телефона и набрал номер своего зама.

– Семен Васильевич, – проговорил он, когда ему ответили на том конце, – зайди-ка ко мне, пошушукаться надо...

В ожидании заместителя Болдырев нервно барабанил пальцами по столу. Пришедшая ему в голову мысль о похищении Бузько была соблазнительной и крайне заманчивой. Но пока это была только идея, не имеющая под собой никакой основы, а потому требующая трезвого осмысления. В конце концов, возможности контрразведки тоже небезграничны, хотя в этой области за время существования ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ сотрудники госбезопасности накопили богатый арсенал, которым могли похвастаться всего несколько государств. Но были еще и юридические, и чисто моральные аспекты предстоящей операции.

В дверь коротко постучали, в проеме появилась подтянутая фигура Семена Васильевича Мамонтова.

– Разрешишь, Олег Борисович? – с порога произнес его зам.

– Раз вызывал, значит, разрешаю, – буркнул Болдырев, крутя в пальцах карандаш. – Проходи, присаживайся, хочу по одному делу посоветоваться с тобой...

Заместитель уверенно сел напротив и вопросительно посмотрел на Болдырева. Они работали вместе достаточно давно, можно было даже сказать, что дружили. Между Болдыревым и Мамонтовым за последние годы сложились полуформальные отношения, так что они могли говорить друг с другом практически на любые темы без всяких обиняков.

– Слышал, что литовцы творят с нашими ветеранами? – напрямик спросил Болдырев, не желая ходить вокруг да около. – Совсем совесть потеряли...

– Ты о чем это? – осторожно поинтересовался тот.

– Да про старика этого, Бузько, которому десять лет впаяли непонятно за что.

– Ну, это известная история, – пожал плечами Семен Васильевич. – Мы-то каким боком в нее замешаны?

– Понимаешь, – тщательно подбирая слова, заговорил Болдырев, избегая смотреть в глаза собеседнику, – дедок этот, почетный чекист, ветеран контрразведки, фронтовик... А ему целый червонец выписали... Несправедливо как-то получается... Это ж для него как пожизненный срок. Правильно?

– В общем-то, правильно, – не стал спорить Семен Васильевич. – Но там ведь наш МИД что-то суетится...

– Вот именно, что суетится. А толку никакого, – отмахнулся генерал. – Звонил я нашим людям в МИДе. Мнутся, что-то несут невнятное – мол, делаем все от нас зависящее... Ну, ты знаешь, как это бывает в подобных, абсолютно безнадежных случаях. Слушать их тошно!

Мамонтов сидел молча, никак не реагируя на сбивчивую речь начальника.

– Я вот что подумал, Семен Васильевич, – продолжал Болдырев. – Может, нам по нашей линии в это дело вмешаться? Все-таки Бузько – наш, из контрразведки... Человек заслуженный... Ты что по этому поводу думаешь?

– Олег Борисович, – наконец проговорил Мамонтов. – Мы с тобой в одной упряжке не первый год работаем. Так что давай начистоту. У тебя в этом старике какая-то личная заинтересованность?

Болдырев хмуро посмотрел на зама. Тот, как всегда, схватывал буквально на лету все, что хотел сказать ему начальник.

– Ну, есть... – проворчал он, с хрустом ломая карандаш, который все это время крутил в пальцах. – Я Макара Капитоновича с детства знаю. Понимаешь меня? С детства! Он – лучший фронтовой друг моего деда Ивана... И вот теперь попал в такой переплет...

– Понимаю, – кивнул Семен Васильевич. – Все мы живые люди. А вот к чему ты клонишь и что задумал – не понимаю. Говори как есть, не надо полупонамеков.

– Выкрасть я старика задумал, вот что, – впервые за все время разговора Болдырев посмотрел в глаза заместителю.

Тот присвистнул и откинулся на спинку стула.

– Боевиков насмотрелся, Олег Борисович? – участливо поинтересовался он. – Это как минимум тянет на международную авантюру...

– Да и черт с ней! – с какой-то отчаянной бесшабашностью ответил Болдырев. – Авантюра так авантюра! Ты мне поможешь?

– А вы о последствиях подумали, товарищ генерал-майор? – переходя на нарочито официальный тон, спросил Семен Васильевич. – Тут ведь выговором, если все раскроется, не отделаешься. Отставкой, причем вынужденной отставкой, попахивает. А то и еще чем покруче... Выкинут из конторы без пенсии. Куда пойдешь?

– Не волнуйся, – усмехнулся Болдырев, – займешь мое место, а я в деревню уеду, яблоки и капусту буду выращивать...

– Ну, хорошо, выкрадешь ты старика, а где его прятать? – не соглашаясь, но и не отказываясь, спросил Семен Васильевич. – Или ты его на нелегальном положении собираешься до самой смерти держать?

– Да хоть бы и так. – Болдырев решительно пристукнул по столу большим кулаком. – Мне этот дед не чужой...

– Дела... – протянул заместитель, покачав головой. – И кого же ты собираешься задействовать? Надеюсь, не наших...

– А кого же еще? – совершенно искренне удивился Болдырев.

– Э, нет, – покачал головой Семен Васильевич. – Ни наша контора, ни какие-либо структуры даже вскользь тут фигурировать не должны. Самый идеальный вариант – привлечь людей со стороны и обставить дело таким образом, что это какие-нибудь патриоты решили спасти деда во имя торжества справедливости и в память о тех, кто боролся с фашистскими прихвостнями. Причем не только в Прибалтике, а и на Западной Украине, в Молдавии, с влазовцами, наконец... Такой, знаешь ли, объединенный антифашистско-патриотический фронт.

– Какие еще патриоты? – опешил Болдырев. – Какие антифашисты?

– Российские, разумеется... Мы, конечно же, снабдим их всем необходимым, но инициатива должна исходить снизу, то есть от народа. Ты позволишь?.. – Семен Васильевич протянул руку к городскому телефону. Олег Борисович только молча кивнул. Мамонтов быстро набрал какой-то длинный номер и некоторое время слушал длинные гудки в трубке.

– Ты куда звонишь-то? – осторожно спросил Болдырев.

– Есть у меня один приятель, – загадочно ответил Мамонтов. – Команда у него подготовлена неплохо, а вот практических занятий вечно маловато... Мы с ним недавно посидели за рюмкой чая, он мне и поплакался, что, мол, парни, как боевые скакуны, застоялись... Вот и пусть разомнутся. Ну а если даже и откажется помочь, невелика беда, других найдем... Аллю! Михаил Савельич?.. Мамонтов приветствует. Как насчет того, чтобы встретиться? По поводу? Да есть тут для твоих ребятишек работенка... Частного, так сказать, порядка. Подробнее? Подробнее не по телефону... Нет, ко мне в контору подъезжать не надо. Я же говорю, что дело частное. согласишься помочь – большую услугу окажешь. Но и если откажешься, то в обиде не буду... Что? А ты подъезжай ко мне на дачу в выходные, с семьей. Там и поговорим... Вот и хорошо, буду ждать...

Закончив разговор, Мамонтов положил трубку и некоторое время смотрел на Болдырева.

– Ну что, Олег Борисович, в понедельник я тебе расскажу о результате переговоров, – тихо сказал он после продолжительной паузы. – И давай договоримся, что об этой аванюре знает как можно меньше народу...

– Ты, Василич, дерзи, но меру-то знай, – недовольно буркнул Болдырев. – Я и по званию, и по должности постарше тебя буду. И опыта конспирации у меня, кстати, тоже побольше...

– Виноват, товарищ генерал-майор, – вытянувшись по стойке «смирно», извинился
Мамонтов. – Разрешите идти?

– погоди. Давай хоть вчерне набросаем план действий...

Мамонтов послушно опустился на стул.

Глава 5

Владимир Локис сладко потянулся в постели. Все-таки это добавляет вкус к жизни, когда у тебя отпуск и не надо никуда спешить. Вдвойне приятно, что этот отпуск тебе дает начальство безо всяких с твоей стороны просьб, исключительно по собственной инициативе.

Правда, за это придется что-то там сделать, но это уже мелочи. Полковник Туманов, командир части спецназа ВДВ, в котором Володя служил сержантом по контракту, подписывая приказ о предоставлении Локису и двум его сослуживцам, старшим сержантам Алексею Демидову и Петру Круглову, очередного краткосрочного отпуска, так и сказал:

– Не надейтесь, что я вас отпускаю по своей доброте душевной, мне, кстати, несвойственной. Просто необходимость того требует. Подробности расскажу позднее, два дня можете отдыхать, в среду утром явитесь ко мне. Буду вводить вас в курс предстоящего отдыха. А пока советую посмотреть последние новости из Прибалтики, может пригодиться.

Еще раз потянувшись, Володя принохался. Из кухни вкусно пахло. Мама, Анна Тимофеевна, взяла на работе отгул по поводу первого дня отпуска сына и теперь привычно хлопотала у плиты, чтобы побаловать чем-нибудь вкусеньким почти не бывающего дома сына. «Интересно, чем меня сегодня будут потчевать?» – мимоходом подумал Володя, натягивая спортивные брюки и майку.

Анна Тимофеевна по-прежнему, как уже в далеком его детстве, сдувала пылинки со своего единственного сына. Ей, как и большинству заботливых матерей, казалось, что ее Володенька все время недоедает, недосыпает и вообще сильно устает на службе. Хотя, если верить уверениям Владимира, служба у него – не бей лежачего. Выдавать солдатам портянки, форму, ветошь, водить на стрельбище и учить ходить строевым шагом. Ничего романтического, героического и вообще всего того, что обыватель так или иначе связывает со словом «спецназ». Во всяком случае, Володя всячески убеждал в этом мать каждый раз, когда она начинала выпрашивать его о подробностях службы. Больше всего ее волновали частые и какие-то загадочные командировки на полигон во Владимирской области, куда сын уезжал совершенно неожиданно и так же неожиданно возвращался. Самое удивительное заключалось в том, что ни сын ей, ни она ему не могли дозвониться. Каждый раз, когда в отсутствие Володи Анна Тимофеевна набирала номер его сотового телефона, она слышала механический женский голос, который сообщал ей, что «абонент вне зоны действия сети». На все вопросы матери по этому поводу у Володи почти всегда находилось вполне правдоподобное объяснение. То у него внезапно разрядилась батарея в телефоне, то он забывал его в казарме, уходя на полигон. Но чаще всего включали специальные «глушилки, которые не позволяли пробиться радиосигналу». Анна Тимофеевна делала вид, что принимает все за чистую монету. Она прекрасно понимала, что время от времени ее сын выполнял специальные задания, которые нередко были связаны с вполне реальным риском для жизни. Однако, не желая, чтобы мама волновалась, Локис тщательно скрывал это, а мать старательно делала вид, что верит его оправданиям.

Пройдя на кухню, Володя, улучив момент, приподнял крышку кастрюльки, в которой булькали, доходя до готовности, голубцы.

– М-м-м, – потянув носом, с видом завязтого гурмана промычал он. – Вкуснотища, наверное, получилась...

– Вовка, – Анна Тимофеевна сделала строгое лицо, – хотя бы умылся. Глаза не успел продрать, а уже нос на кухню суешь. Марш в ванну!

– Вот всегда так, – притворно надув губы и делая вид, что обиделся, проговорил сын. – Все мною командуют и помыкают. На службе, дома... И когда же у меня будет возможность кем-нибудь покомандовать?

– Когда женишься, – веско ответила мать, отгесняя сына от плиты. – Женись – и командуй себе на здоровье.

– Легко сказать, женись, – проворчал Володя. – Это, мам, тебе не в кино сходить. Тут нужно все по уму делать. А то женишься, и неизвестно, что получится. Такие вопросы с кондачка не решаются...

– А тебя никто и не торопит, – буркнула Анна Тимофеевна, доставая тарелки. – Только если ты будешь продолжать привередничать и сомневаться, так и останешься «в девках»... Это я тебе как мать говорю.

– Ма, ну что ты такое говоришь? – укоризненно покачав головой, протянул Володя. – Кто послушает, так решит, что твой единственный сын неправильной сексуальной ориентации...

– Вовка, бесстыдник! – прикрикнула на Локиса Анна Тимофеевна. – Ты как с матерью разговариваешь, поросенок ты эдакий?!

Она замахнулась на сына полотенцем.

– Спокойно, мамочка, – выставляя руки, чтобы защититься, быстро сказал Володя. – Ты первая эту тему затронула. Как говорится, за что боролась, на то и...

Володя умышленно не стал договаривать поговорку до конца, многозначительно замолчал и вскинув брови.

– Ох, и договоришься ты у меня, – пообещала Анна Тимофеевна. – Я не посмотрю, что ты под потолок вымахал, спущу штаны да по одному месту нахлопаю.

– Ой, ой, ой, – кривляясь, проговорил Володя, – ты меня маленького-то никогда не трогала. А теперь уже поздно.

– Уж лучше поздно, чем никогда. Марш в ванну, сказала тебе. – Анна Тимофеевна сердито махнула полотенцем, но сын ловко увернулся и, выставив вперед руки, начал задом отступать из кухни.

– Все-все, иду умываться, – быстро заговорил он. – Извините, мамо, малость вспылил, не рассчитав собственных возможностей, больше не повторится...

– То-то же, смотри у меня... – Анна Тимофеевна шутливо погрозила сыну кулаком. – А то я мигом начну исправлять свои упущения... И побриться не забудь, а то обрастать начал, лицо на кусок наждачки становится похожим...

Локис машинально провел по щеке ладонью и, убедившись, что мать, как всегда, права, вскинул правую руку к виску, одновременно положив левую на темя.

– Есть устранить неисправности на лице и недостатки во внешнем виде, – молодецкато отпартовал он, потом сделал четкий разворот «кругом» и зашлепал босыми пятками по линолеуму, пытаясь изобразить строевой шаг.

«Вот ведь клоун», – усмехнулась про себя Анна Тимофеевна. Иногда сын казался ей излишне серьезным и взрослым. Особенно это было заметно, когда он возвращался из своих командировок на полигон. Но чаще всего он оставался все тем же мальчишкой со своими полудетскими выходками. Раскладывая по тарелкам голубцы и салат, она улыбнулась.

– Ма, – перекрикивая шум воды, позвал из ванной Володя, – включи, пожалуйста, телевизор, там сейчас новости будут показывать...

– Чего ты в них не слышал? – тоже громко отозвалась мать. – Сплошные ужасы и страхи. Там убили, тут взорвали, там еще что-нибудь стряслось... Один раз посмотришь, потом на весь день настроение испорчено.

– Включи, ма, мне надо кое-что посмотреть, – высовываясь из ванной в коридор, настойчиво повторил он и, многозначительно подняв вверх бритвенный станок, загадочным голосом пояснил: – Приказ командира части! Улавливаешь мысль?

– Болтун! – покачала головой Анна Тимофеевна, но все же взяла пульт и нажала кнопку «Power». Телевизор тут же проиграл какую-то мелодию, и экран засветился.

– Сегодня в выпуске, – преувеличенно бодро и жизнеутверждающе заговорил диктор. – В Дагестане приступили к ликвидации бандитского подполья в одном из селений республики... В центре Екатеринбурга произошел крупный пожар, площадь которого составила более трехсот квадратных метров... Премьер-министр России посетил с рабочим визитом дальневосточный регион... Президент страны утвердил дату совещания с главами регионов... Европейский суд поставил точку в деле Макара Бузько, однако адвокат ветерана не теряет надежды на пересмотр дела. Об этом и многом другом подробнее на нашем канале через несколько минут. Не переключайтесь!

– Господи, – вздохнула Анна Тимофеевна. – И чего они к этому ветерану привязались-то. Он же больной весь...

– Ты о чем, ма? – поинтересовался больше из вежливости Володя, появляясь в кухне, – умытый, гладко выбритый, пахнущий одеколоном и свежестью. – Кто там у нас весь больной?

– Да старик этот из Литвы, – опять вздохнув, пояснила мать. – Кого-то он там во время войны приказал расстрелять, а его теперь за это судят... Совсем ума у людей не осталось...

Локис, ничего не ответив, сделал громче звук и буквально впился в телевизор глазами.

– Европейский суд по правам человека в Страсбурге оставил без изменений приговор бывшему начальнику Смерш города Шяуляя Макару Капитоновичу Бузько. Напомним, что месяц назад Верховный суд Литвы приговорил восьмидесятипятилетнего ветерана к десяти годам тюремного заключения за то, что осенью сорок пятого года отряд чекистов под его руководством расстрелял около двух десятков мирных жителей села Лукон, которые возвращались с ярмарки. Европейский судья, рассмотрев материалы уголовного дела, пришел к выводу, что собранные следователем доказательства подлинные, а вынесенный приговор не идет вразрез с действующим в Литве законодательством. При этом европейцы то ли случайно, то ли умышленно забывают о том, что в сорок четвертом на территории тогдашней советской Литвы шла война, у которой совсем другие законы. Кроме того, закон, преследующий за участие в ликвидации националистических бандгрупп, больше известных под названием «лесные братья», был принят в Литве только в начале этого века. Адвокат Бузько, Римвидас Зданявичюс, считает, что разбирательство в Евросуде было чисто формальным и явно предвзятым. Он намерен добиваться пересмотра дела, но уже другим составом суда, утверждая, что у него есть неопровержимые доказательства того, что расстрелянные люди принадлежали к так называемым «лесным братьям». К другим новостям выпуска...

Локис убавил звук и сел к столу.

– Володя, – осторожно спросила Анна Тимофеевна у сына через некоторое время. – А почему ты так заинтересовался этим Бузько?

– С чего ты взяла, что я заинтересовался? – вопросом на вопрос ответил матери Локис.

– Мне показалось, что ты ждал именно этого репортажа... – уклончиво пояснила Анна Тимофеевна.

– Ма, тебе действительно показалось, – строго глядя в глаза матери, веско проговорил Володя. – Я просто случайно услышал этот репортаж, и мне стало интересно...

Анна Тимофеевна смущенно замолчала, но спустя пару минут опять вернулась к этой теме.

– Как ты думаешь, освободят старика?

– Не знаю, – коротко бросил Володя, торопливо глотая голубцы.

Анна Тимофеевна удивилась той внезапной перемене, которая произошла с сыном.

– Что с тобой, Вова? – удивленно спросила мать.

Локис, сообразив, что делает что-то не так, смутился. Перестав есть, он тщательно прожевал пищу и виновато посмотрел на мать.

– Прости, ма, я не хотел, – пробормотал он. – Просто до такой степени надоел этот беспредел в Прибалтике, что никакого зла не хватает. Все эти эстонцы, латыши, литовцы...

Независимые, демократичные, в Евросоюз они собрались... Вот уж действительно, как в том анекдоте: самые независимые, потому что ничего от них не зависит... А старика освободят. Обязательно освободят! Вот увидишь...

Глава 6

В Литву десантники приехали почти легально, пройдя все положенные процедуры таможенной проверки и паспортного контроля. Полулегальность заключалась в том, что на одной из промежуточных станций в Белоруссии им поменяли документы. Сделано это было настолько просто и ловко, что Демидов по кличке Купец только восхищенно щелкнул языком:

– Ну, контрразведка дает!

На одной из станций, под Молодечно, к ним в купе неожиданно подсел попутчик: молодой мужчина в легком костюме, с коричневым атташе-кейсом. Без лишних слов он быстро выставил на столик бутылку коньяку и предложил выпить за знакомство. После третьей рюмки он внимательно посмотрел на разведчиков и заявил:

– Значит, так, парни, суть задания вам объяснили «на базе». Никаких дополнительных подробностей не будет. Руководство пришло к выводу, что самая лучшая для вас помощь – не мешать. Будете действовать по обстановке. Единственное условие – поменьше конфликтов с литовскими правоохранительными органами. Вы понимаете, о чем я говорю? Дальше. Позвоните вот по этому номеру сразу же, как только окажетесь в Литве. – И попутчик протянул Демидову трубку мобильного. – Здесь забит только один номер. Это Римвидас Кастивичус Зданявичюс – адвокат. Наш человек, но сильно откровенничать с ним не рекомендую. Учтите, что пока он – единственная ниточка, которая может вывести нас напрямую к «объекту»...

Положив на столик простенький мобильник, «попутчик», виновато улыбнувшись, извинился, сказав, что ему надо отлучиться на пару минут. Он вышел из купе, оставив свой кожаный кейс-дипломат небрежно лежать на верхней полке. Больше разведчики его не видели. Вместе с ним у десантников исчезли российские паспорта и кое-что из вещей. Где и как сошел таинственный незнакомец, осталось для них загадкой.

В дипломате, который разъяренный Купец начал потрошить, как только обнаружилась пропажа документов и стало понятно, что «попутчик» вряд ли вернется, оказались новые белорусские документы с другими фамилиями, но с клеенными в них фотографиями Демидова, Круглова и Локиса. Кроме того, там были литовские и белорусские деньги, а также те мелочи, которые у них пропали. Но уже не российского, а местного производства.

В кейсе был также пакет с краткой инструкцией, как вести себя в Литве, чтобы не привлечь к себе внимание тамошних спецслужб, и краткая «легенда», кто они такие и зачем приехали из Белоруссии в соседнюю страну.

Контрразведчики не стали сильно мудрить. Все трое десантников согласно «легенде» оказались белорусскими фермерами. В Литву они приехали в поисках рынка сбыта своей продукции. В пакете были соответствующие прайсы, сертификаты, удостоверения.

– Вот на кой хрен мне вся эта маскировка? – попробовал возмутиться Демидов, рассматривая свой новый паспорт. – Едем на два дня, не больше, а нас внедряют как «нелегалов»...

– Леха, – тут же перебил приятеля Локис. – Эти дяденьки, которые из контрразведки, народ многоопытный. Они знают, что делают. Имей в виду, в Прибалтике все, что хоть как-то связано с понятием «Россия» и «российское», официально запрещено. Литва, конечно, не Латвия с Эстонией, но тоже поостеречься не лишним будет...

– И что теперь делать? – не поверил Купец, косясь на свой паспорт.

– Будем прикидываться хохлами и бульбашами, – хихикнул Круглов, – что, в принципе, одно и то же. И радоваться надо, Леха, что тебе досталась фамилия Загоруйко.

– С чего радоваться?!

– С того, что ты Загоруйко, – едва сдерживая смех, проговорил Локис, – а не какой-нибудь Голопузенко или того хуже – Голопопенко...

Приятели дружно рассмеялись.

– Да пошли вы оба, – вконец рассердился Купец, – на хутор бабочек ловить, Горлопа-
ненки!

Он схватил початую бутылку коньяка, оставленную «попутчиком» из контрразведки, быстро налил себе половину чайного стакана и залпом выпил. Потом хмуро посмотрел на продолжавших посмеиваться сослуживцев и, ничего не сказав, забрался на свою полку, с которой не слезал до самого прихода в вагон пограничников.

На вильнюсский вокзал их поезд прибыл под вечер. Купец долго и внимательно рассматривал расписание поездов, которое было написано на литовском и английском языках, хотя не знал ни того, ни другого.

– Ни черта не понятно, – сделал он, наконец, вывод.

– А что ты хотел понять? – ехидно поинтересовался у него Локис.

– Да хотя бы выяснить, в какую сторону нам ехать, – с немалой язвительностью ответил Демидов.

– Насколько я помню карту, – подал голос Круглов, закуривая, – то Шяуляй где-то на севере. Или северо-западе... А вообще-то на вокзалах есть справочная служба. Ты, Леша, разве об этом не слышал?

Демидов недовольно запыхтел, но ничего не ответил.

Миловидная девушка, которая сидела за окошечком вокзальной справочной, недовольно наморщила носик, когда услышала русскую речь.

– Говорите по-литовски, – предложила она Круглову на ломаном русском, смешно растягивая слова. – Я плохо понимаю, что вы хотите...

Петр сориентировался мгновенно.

– Шо ты, дивчинка ридненька, – переходя то ли на украинский, то ли на белорусский, ласково заговорил он. – Откуда ж мени вашу мову разумити? Ты мени кажи, коханая, когдыть поезд до Шяуляю буде?

Лицо девушки немного подобрело. Видимо, этот язык ей нравился больше.

– Только завтра утром...

– Дзякую, коханочка, – расплываясь в улыбке, поблагодарил Круглов.

– Лабусы хреновы, – хмуро выругался Демидов вполголоса, когда они опять вышли на перрон. Лабусами русские, живущие в Прибалтике, иронично-пренебрежительно зовут местных жителей. Те, не оставаясь в долгу, русских называют кацапами. – И что теперь будем делать? Может, прогуляемся по городу?

– Знаешь, Леха, – раздраженно проговорил Локис, – мы тут всего пару часов находимся, а нас уже несколько раз послали куда подальше. Я так полагаю, что в городе это будут делать значительно чаще...

– Не все же они здесь лабусы, – не поверил Демидов. – Хоть одного-то адекватного можно найти?

– Ты лучше адвокату позвони, – предложил Круглов. – Забыл, что нам «попутчик» сказал? Этот Реминтас, или, как его правильно, Римвидас, наверняка окажется более контактным, чем остальные...

Демидов опять недовольно засопел и принялся рыться в карманах, ища телефон, который им оставил представитель контрразведки. После третьего гудка в нем прозвучало полувопросительно:

– Йо?..

– А мне бы этого, – Демидов суетливо переложил трубку в другую руку. – Зданявичюса Римвидаса Кастивичеса услышать...

– Вы его уже слышите, – довольно чисто по-русски ответил собеседник. – С кем имею честь?

– Вы меня не знаете, – торопливо проговорил Купец, – но нам очень надо встретиться. Это касается одного вашего клиента...

В трубке на некоторое время воцарилось молчание.

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь, – осторожно сказал Зданявичюс, – и боюсь, что ничем не смогу вам помочь.

– Очень даже сможете, – заверил Демидов. – Я вам все объясню...

– Простите, но я не могу с вами сейчас разговаривать, – не дал ему договорить адвокат. –

Перезвоните позднее...

В трубке слышались гудки.

– Вот гад литовский! – выругался Демидов. – Тоже лабусом оказался!

– Ты бы потише лабусил всех подряд, – предложил Купцу Локис, – а то на нас уже оглядываться начинают. – Он кивнул на высокого полицейского, который стоял неподалеку. – Нам до полного счастья не хватало только объяснений с полицией...

Демидов презрительно смерил стража порядка взглядом.

– Все-таки я, парни, прав, – понижая голос, проговорил он. – Надо сматываться в город, там намного безопасней...

На этот раз Локис и Круглов были вынуждены согласиться. Натянуто улыбаясь полицейскому, который продолжал подозрительно посматривать в их сторону, разведчики вышли в город. Ночь они провели, рассматривая красоты старого города, а утром сели в поезд, идущий на Шяуляй.

Глава 7

Звонок неизвестного человека не был для адвоката Римвидаса Зданявичюса неожиданным. С тех пор, как он взялся защищать Макара Капитоновича Бузько, незнакомые люди стали звонить ему значительно чаще, чем раньше. Кто-то хвалил его за принципиальность и за то, что он не дает разгуляться всякой националистской сволочи. Кто-то, наоборот, проклинал, что он защищает русского оккупанта, которого «расстрелять мало». Были звонки и с прямыми угрозами.

Несколько раз ему прокалывали колеса машины, разбивали лобовое стекло, царапали капот и дверцы. Залезли к нему в квартиру, пытались взломать пароль на компьютере, рылись в бумагах. Апогеем устрашения стало нападение на Римвидаса Кастивичеса каких-то хулиганов. Правда, они не рассчитали своих сил и возможностей: Зданявичюс оказался сильнее и подготовленнее, чем нападавшие, и справился с ними без особого труда. Но сам этот факт был адвокату неприятен. К тому же в полиции, куда адвокат обращался по всем происшествиям, относились к его заявлениям с холодным равнодушием, каждый раз старательно демонстрируя нежелание связывать их с профессиональной деятельностью Зданявичюса. На просьбу адвоката предоставить ему и его семье охрану последовал вежливый, но твердый отказ. После очередного формального разговора в полиции Римвидас на всякий случай отправил жену и детей в деревню под Мажейкяем, полагая, что там они будут в безопасности.

Телефонный номер, который высветился на дисплее мобильного, показался Зданявичюсу странным. Некоторое время после окончания разговора он внимательно смотрел на него, пытаясь понять, что его настораживает. «Что бы это могло значить? – подумал Зданявичюс, машинально сохраняя номер в памяти телефона. – Неужели русские все-таки на что-то решились?»

Когда Римвидас Кастивичес только брался за дело Бузько, оно представлялось адвокату простым и понятным. Ему, выпускнику юридического факультета Вильнюсского университета, отработавшему несколько лет следователем в литовском управлении Комитета госбезопасности, казалось совершенно очевидным, что Макар Капитонович невиновен.

Во-первых, то, что пытались вменить Бузько в качестве обвинения, происходило во время войны, что уже само по себе служило оправданием. Ведь по имеющимся у Зданявичюса данным Бузько и его отряд действовали в бою, а не на зачистке. А это значит, что разбираться, кто друг, а кто враг, времени просто не было.

Во-вторых, принадлежность убитых людей к боевой националистической организации «лесные братья» была установлена еще тогда, осенью сорок пятого года, и фактически никем никогда не оспаривалась. «Мишкаис бролис» официально были осуждены, почти все они отбывали наказание в лагерях по самой банальной уголовной статье за бандитизм и разбой. Кто-то получил даже дополнительные сроки за изнасилование. Но...

На первой же встрече со следователем, как только адвокат начал ему доказывать всю абсурдность обвинения, ссылаясь на бесспорные факты и аргументы, тот веско его перебил:

– Вы плохо знаете историю своей страны, господин Зданявичюс. Русские оккупировали нас летом сорокового года. Это общеизвестно во всем мире. Кроме того, наши экономисты недавно подсчитали, что за время оккупации стране нанесен убыток в тридцать миллиардов долларов, которые Россия не желает выплачивать... И после этого вы собираетесь защищать того, кто участвовал во всей этой вакханалии? Меня это не просто удивляет, а уже настораживает. Я буду вынужден обратиться в соответствующие органы, чтобы они проверили вас на предмет лояльности к существующей власти. Думаю, что вам вряд ли захочется оказаться на одной скамье с вашим подзащитным...

Это была завуалированная угроза со стороны государственного чиновника. Несколько лет назад литовский Сейм принял поправку к закону, запрещавшему любую пропаганду советской истории и символики. В соответствии с этой поправкой публичное восхваление советского прошлого Литвы считалось уголовным преступлением и наказывалось лишением свободы до двух лет.

Римвидас Кастивичес не стал спорить с молодым следователем, но очень скоро убедился, что тот сдержал свое слово. Открыто Зданявичюса не трогали, но исподтишка ставили палки в колеса. Например, ему не всегда разрешали встречаться с Бузько в СИЗО. Допускали не на все вопросы, ссылаясь на то, что речь будет идти о неких государственных секретах, а у адвоката нет «допуска секретности».

Судебное разбирательство, по мнению Римвидаса Кастивичеса, также проводилось с нарушением всех существующих норм. К примеру, из зала суда удалили всех представителей прессы. Все, что потом озвучивалось в СМИ, проходило строгую цензуру председателя суда, что, однако, не мешало Зданявичюсу высказывать перед телекамерами свое мнение.

На одном из заседаний совершенно неожиданно выяснилось, что в зале нет ни одного потерпевшего от действий Бузько. Процесс был тут же прерван. И в течение трех дней потерпевших нашлось вдвое больше, чем требовалось. Они, как, впрочем, и собранные по делу свидетели, постоянно путались в своих показаниях, часто ссылаясь на то, что помнят, «как об этих событиях рассказывала бабушка». Что само по себе было неудивительно, поскольку самому старшему свидетелю было шестьдесят четыре года. Государственный обвинитель постоянно подсказывал им, что нужно говорить, представленные доказательства были спорны, но на вопросы и ходатайства адвоката председательствующий отвечал неизменным отказом.

Тем непонятнее и абсурднее казался оглашенный Бузько приговор – десять лет тюремного заключения. Впрочем, от «родного» литовского правосудия Зданявичюс ничего другого и не ожидал. Но решение Европейского суда прозвучало для него как гром среди ясного неба. Только трое из двенадцати членов коллегии посчитали Макара Капитоновича невиновным. Зданявичюс тут же написал протест, требуя нового рассмотрения дела, но уже в другом составе. Протест был принят к рассмотрению. Римвидасу Кастивичесу был дан месяц на поиски и предоставление убедительных доказательств невиновности подзащитного. Он отчаянно пытался найти хоть что-нибудь, заодно лихорадочно соображая, чем еще можно помочь старику. И вдруг ему среди ночи позвонили на домашний телефон.

– Римвидас Кастивичес, – прозвучал в трубке густой мужской голос, говоривший по литовски. – Послушайте внимательно, что я вам скажу, и постарайтесь не перебивать. Вам ведь не безразлична судьба вашего подзащитного Бузько?

– Кто вы? – жестко спросил Зданявичюс.

– Я просил не перебивать меня! – не менее жестко ответил голос. – Так вот, если вам не безразлична его судьба, то вы должны нам помочь. От вас потребуется не так уж и много. Всего-навсего узнать, когда его будут этапировать, на какой машине и сколько человек в охране. Вы ведь можете это выяснить? Все остальное сделают профессионалы...

– Послушайте, я не знаю, да и не желаю знать, кто вы такой, – решительно проговорил адвокат, – но смею заверить, что работаете вы грубо, даже топорно. Ваши предшественники из КГБ делали это намного тоньше. Советую поучиться...

– Вам перезвонят позже, – не обращая внимания на отповедь, заявил собеседник и отключился.

Зданявичюс тут же нажал кнопку определителя номера и быстро переписал цифры. И вот эти же цифры опять высветились. Теперь уже на дисплее мобильного. Причем собеседник говорил на чистом русском.

«Неужели русские что-то задумали? – встревожился Римвидас Кастивичес, сжимая свой телефон. – Они ненормальные, от них можно ожидать чего угодно. Интересно, они будут снова звонить?..»

Глава 8

Шяуляй не понравился Купцу, так же как и Вильнюс. Главным образом его раздражало то, что все без исключения люди, к которым он пытался обратиться с каким-нибудь вопросом, едва слышав русскую речь, тут же поджимали губы и, пробормотав традиционное «ня супранту», торопливо отходили в сторону.

– Да что они, сговорились, что ли?! – возмутился Демидов после пятой попытки заговорить. – Других слов, что ли, не знают?

– Успокойся, Леша, – попытались увещевать его Локис и Круглов. – Пока ты говоришь с ними на русском, других слов они не знают...

– А на каком же я должен с ними говорить, – продолжал кипеть Демидов, – на китайском, что ли?

– Было бы идеально, если бы вы, ребята, заговорили на чистом литовском, – раздался за спиной у разведчиков насмешливый голос.

Все трое разом обернулись. Перед ними стоял сухонький мужичок, весь вид которого откровенно говорил о том, что со всеми своими неприятностями он привык разбираться прежде всего исконно русским способом.

– Во всяком случае, они, – мужичок кивнул головой в сторону прохожих, – обожают, когда кто-то из иностранцев говорит на их языке... Разрешите представиться, уважаемые соотечественники, Виктор Павлович Костенко, бывший доцент кафедры всеобщей истории местного пединститута. Отстранен от должности по национальному несоответствию и как лицо, не пожелавшее сдавать языковой минимум.

Мужичок театрально кивнул и попытался щелкнуть каблуками стоптанных сандалий.

Несколько минут десантники рассматривали Костенко с нескрываемым интересом. Заподозрить в нем человека, который некогда нес студентам «доброе, светлое, вечное», можно было, только если очень сильно напрячь воображение. Мешковатый пиджак, несвежая рубашка, галстук, больше напоминавший веревку, помятые, словно пожеванные, брюки. Довершало картину такое же, как и брюки, помятое лицо, в сетке мелких морщин и лиловатых прожилок, но при этом тщательно выбритое.

– Как же это вас так угораздило? – совершенно искренне посочувствовал отставному доценту Локис.

– Всего лишь пытаюсь соответствовать той роли, которую отвели мне новые власти, – просто ответил Костенко и пояснил: – Роль человека второго сорта. А вы, я так понимаю, прибыли в наш городишко из далекой России?

– Вообще-то мы из Белоруссии, – проговорил Купец.

– Молодой человек, – укоризненно склонив голову набок, проговорил мужичок, – не надо мне врать. Я слишком долго живу в этой стране, чтобы не отличить русского от белоруса или украинца. Вы – русские и, судя по всему, очень нуждаетесь в помощи такого опытного экскурсовода, как я.

Разведчики озадаченно переглянулись. Тех неполных суток, которые они провели в Литве, им вполне хватило, чтобы понять: без знания языка им не то что выполнить задание, по улице пройти сложно. Так что человек, который хоть немного знал бы местные порядки и язык, был необходим. К тому же необходима была крыша над головой. По инструкции им было запрещено устраиваться в гостиницу, чтобы не привлекать внимания и не оставлять официальных следов своего пребывания. Съем квартиры в частном секторе исключался по определению. Оставались только лавочки в парке.

– Отец, – осторожно спросил Демидов, – а ты с кем живешь? Может, сдашь нам квартиру на пару дней?

– Не вопрос, – развел руками Костенко, – квартира отдельная, хотя не очень чистая. Я одинок, соседи – милейшие люди, за постой возьму недорого. Пару-тройку бутылок дектине в день и что-нибудь закусить...

– Чего пару бутылок в день? – вскинул брови Демидов. – Дегтя?

– Водки! – внушительно подняв вверх указательный палец, пояснил Костенко. – Литовски водка – дектине. Ну так что, по рукам?

– Где тут поблизости магазин? – обреченно спросил Купец. Вариант был не самый лучший, но ничего другого не предвиделось.

К удивлению разведчиков, квартира Костенко оказалась очень удобной во всех отношениях. Несмотря на изрядную запущенность, чувствовалось, что когда-то, очень давно, ее хозяйева жили в полном достатке. Еще по дороге выяснилось, что Виктор Павлович прекрасно знает город, его историю, хорошо говорит по-литовски и, при всем своем аморальном образе жизни, продолжает интересоваться всем происходящим в мире. Как и большинство сильно пьющих гуманитариев, он, приняв определенную дозу спиртного, становился чрезвычайно болтлив.

О процессе над Бузько Виктор Павлович был наслышан, но подробностей не знал.

– Перед тюрьмой, в которой его держат, – не забывая подливать себе в рюмку, рассказывал Костенко, – собирался даже какой-то митинг протеста. Я на него не ходил. С детства не терплю бесполезной работы. Да и полиция быстро его разогнала... Кстати, я неплохо знаю жену адвоката, который защищает этого ветерана, – неожиданно заявил, Виктор Павлович, пьяно икнув. – Она преподавала у нас на факультете... Точнее, это я преподавал, а она и сейчас преподает... Если хотите, могу вас с ней познакомить. Прелестная женщина, хотя и литовка... Хотя зачем я их так оскорбляю? Они все прекрасные люди, пока не соберутся в большую компанию. Как говорится: трое негров – это баскетбол, трое американцев – биржа, трое русских – пьянка, трое литовцев – митинг...

– Виктор Палыч, – осторожно перебил Костенко Локис, – а вот про жену адвоката подробней можно?

– Какого адвоката? – ословело посмотрел на Володю Костенко. – А-а-а, адвоката, этого, как его... Зданявичюса... Можно и подробней. А что вас, собственно, интересует? Я же говорю вам, что она прелестная женщина. Умная, красивая, очень интеллигентная... Когда новый декан вышиб меня с факультета, Маргарита Арчидовна пыталась мне помочь, но... Против системы не поперешь. Это же очевидно. Но мадам Зданявичене очень старалась...

– А можно с ней как-то увидеться? – быстро спросил Круглов, стараясь направить разговор в нужное русло.

– Разумеется. – Виктор Павлович был уже в приличном подпитии, движения у него стали неуверенными и заторможенными, поэтому, наливая очередную рюмку, он расплескал водку по столу. – Мы можем ей позвонить, и она непременно придет... А зачем она вам?

В мутных от алкоголя глазах доцента истории вдруг промелькнуло подозрение.

– А зачем она, собственно, вам? – повторил он почти трезвым голосом.

Допущенную оплошность требовалось срочно исправлять.

– А вот он, – Круглов кивнул на Локиса, – писатель-документалист. Заинтересовался этой темой, книгу собирает писать о российско-литовских взаимоотношениях. Не о политике, нет. А о взаимоотношениях, скажем так, на житейском, бытовом уровне. Специально для этого приехал...

Костенко недоверчиво обвел взглядом своих постояльцев. Потом медленно выпил рюмку и принялся не спеша закусывать. Разведчики не отрываясь следили за его неторопливыми движениями. Они прекрасно осознавали, что Костенко не просто спившийся и опустившийся интеллигент. Он – историк, человек, умеющий анализировать и сопоставлять информацию. Догадывались, что он, даже будучи сильно подшофе, ни на секунду не поверил в наспех придум-

манную байку про писателя-документалиста и мифическую книгу. Открытым оставался только один, но самый важный вопрос: как он себя поведет?

Покончив с куском консервированной селедки, Костенко аккуратно вытер губы не совсем чистым платком и внятно проговорил совершенно трезвым голосом:

– Насколько я что-то понимаю, дорогие мои соотечественники и соплеменники, вам нужна не госпожа Зданявичене, а ее супруг, господин Зданявичюс. Я не знаю, кто вы такие и зачем приехали в Шяуляй, но давайте договоримся, что все время, которое вы будете находиться в моей квартире, на этом столе должна стоять початая бутылка водки...

Виктор Павлович внушительно постучал указательным пальцем по столешнице.

– В каком смысле початая бутылка? – прищурился Демидов.

– В прямом смысле, – ответил доцент и, немного подумав, объяснил: – Это не взятка и не плата за мое молчание. Боже меня от этого сохрани. Водка – мое единственное и самое надежное алиби, если полиция пожелает что-то узнать о моих постояльцах. Литовцу проще поверить в то, что кацап напился до бесчувствия и ничего не помнит, чем в какую-нибудь другую, даже самую правдоподобную версию. Соседи – милейшие люди и с удовольствием подтвердят, что все это время я с вами пил. Но сделают это только в том случае, если будут видеть на столе бутылку водки, а меня – спящим на диване... В противном случае я ничего гарантировать не могу, поскольку в последние годы все литовцы помешаны на национальном достоинстве и почти западной бдительности в отношении своих соседей.

Десантники переглянулись. То, что предлагал им Костенко, было хоть и накладно, но вполне дельно. Действительно, что можно взять с пьяной русской компании, в которой могут говорить обо всем и ни о чем одновременно? При этом никто никого не слушает, кроме самого себя.

– Хорошо, – ответил за всех Демидов. – Только одно условие – встречу со Зданявичюсом надо устроить как можно скорее... Это возможно?

Костенко криво усмехнулся.

– Мы дружили еще с отцом Римвидаса, когда тот работал в Комитете госбезопасности, – заявил он, выливая остатки водки из первой бутылки в рюмку. – Потом я помогал защитить сначала кандидатскую, а потом и докторскую жене Римвидаса Рите, рекомендовал ее на нашу кафедру... После того, что со мной произошло, Зданявичюсы продолжают мне помогать по мере сил. Хотя прекрасно понимают, что мое положение абсолютно безнадежно. Я спился, и, как это ни прискорбно, такой образ жизни с некоторых пор мне стал нравиться... Ваше здоровье!

Выпив, Костенко тяжело поднялся со стула и, пошатываясь, подошел к антикварному столику с гнутыми витыми ножками, на котором стоял такой же антикварный телефон, массивный эбонитовый аппарат времен «отца народов». Сняв трубку, он долго и сосредоточенно набирал пять цифр номера. Потом какое-то время слушал гудки, облизывая при этом губы. Минутное протрезвление опять сменилось сильным опьянением. Однако голос у него, когда он заговорил, был достаточно внятными и жалобными:

– Алло, Римвидас?.. Здравствуй, мой мальчик, а Рита дома? Уехала в деревню?.. Ой, какая жалость. Тогда, может быть, ты мне поможешь? Да, совершенно плохо себя чувствую, еле поднялся с постели. Ноги отказывают... Помогите старику, не дай помереть... Когда? Ну, хорошо, жду тебя, мой дорогой... Захвати там что-нибудь по дороге, только не очень дорогое, а то ведь мне с вами не расплатиться потом... Да-да, конечно... Не прощаюсь, Римвидас.

Положив трубку, Костенко победно взглянул на разведчиков.

– Через полчаса он будет здесь, – сказал он. – А еще через десять минут вы сможете поговорить с ним на любые темы. А пока давайте-ка тяпнем по рюмашке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.